

На правах рукописи

Попов Владимир Николаевич

*Н. Е. СТРУЙСКИЙ
И ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ*

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Александр Анатольевич Илюшин

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Валентин Иванович Коровин
Московский педагогический государственный
университет

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Алексей Николаевич Варламов
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
кафедра истории русской литературы XX-XXI вв.

Ведущая организация – Московский государственный областной университет

Защита диссертации состоится «18» января 2012 г. в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д501.001.26 при Московском государственном университете по
адресу: 119991 г. Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический
факультет

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного
университета

Автореферат разослан «16» декабря 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Криницын

Общая характеристика работы

Предмет исследования. Настоящая работа посвящена описанию репутации писателя XVIII века на всем протяжении ее существования: от его современников до наших дней. В ходе исследования перед автором встает ряд вопросов теории репутаций, которые находят свое разрешение в соответствующих главах.

Актуальность исследования. В последние 20 лет переосмыслено место и значение многих участников литературного процесса, что ставит перед исследователем ряд вопросов, на которые можно ответить в рамках истории и теории репутаций.

С этой точки зрения чрезвычайно интересна фигура Николая Еремеевича Струйского (1749 – 1796) – поэта и писателя второй половины XVIII века. В разные исторические эпохи он заслуживает прямо противоположные оценки мемуаристов и исследователей.

Историки литературы второй половины XIX века и советские исследователи называют его записным графоманом, «парнасским буффоном» и жестоким крепостником. В другие эпохи Струйского воспринимают иначе: он интересен литераторам пушкинской поры, для исследователей Серебряного века он оказывается примером подлинного служения поэзии, покровителем искусств и проводником просвещения. Современные исследователи делают новую попытку его реабилитации, выходят новые издания его поэтических сборников.

Столь широкий диапазон оценок во многом объясняется тем, что круг мемуарных сведений о жизни Струйского весьма узок, а самих мемуаристов можно заподозрить в предвзятости к своему герою. Разумеется, это усложняет задачу для биографа Струйского. В то же время для теории репутаций эта своеобразная «биографическая пустота» создает ситуацию

чистого эксперимента: в разные исторические и литературные эпохи имя Струйского наполнялось разным содержанием.

Это ставит перед исследователем ряд теоретических вопросов: расхождение между биографией и репутацией Струйского есть плод случайности или следствие неизвестных законов литературной истории? Есть ли вообще прямая связь между репутацией и биографией? Репутация писателя неизменна или меняется вместе с литературными эпохами?

Научная новизна настоящей диссертации заключается в самой фигуре героя: малоизученного поэта с противоречивой репутацией. В исследовании впервые воспроизводится сочинение Струйского «Род Струйских», а также донесение Струйскому от рузаевского служителя Андрея Зяблова с подробным описанием пугачевского бунта в Рузаевке. Эти документы обнаружены автором в Отделе рукописей ИРЛИ; в общей сложности просмотрено 19 дел. Уточнена датировка многих событий из жизни Струйского.

Кроме того, новизна и в ракурсе исследования: теория литературной репутации представляет отрасль истории литературы, доньше не слишком освоенную.

Теоретической базой диссертации послужили работы И. Н. Розанова, А. М. Пескова, В. П. Степанова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, В. М. Живова и других исследователей теории и истории репутаций.

Методология исследования. С методологической точки зрения работу можно разделить на три части:

- историко-литературную: критический анализ источников о жизни и творчестве Н. Е. Струйского;
- биографическую: свод сведений о его жизни и творчестве;
- теоретическую: исследуется проблема репутации писателя в XVIII в., ряд закономерностей теории репутаций.

При воспроизведении источников соблюдался принцип аутентичности. Этот орфографический принцип был положен в основу Полного собрания сочинений и писем Е. А. Боратынского, издававшегося под руководством А. М. Пескова и при участии автора настоящей работы. Кроме того, принципы аутентичного воспроизведения источников обсуждались автором в отдельной статье «Об орфографии в научных изданиях литературных памятников».¹

Главной **целью** диссертации является установление некоторых закономерностей (констант) литературного процесса, которые предопределили литературную репутацию Струйского.

Основные **задачи** работы:

1. Проследить историю репутации Струйского от его современников до наших дней.
2. Систематизировать известные в настоящий момент сведения о жизни и деятельности Струйского.
3. Изучить религиозные взгляды Струйского.
4. Проанализировать характер смены репутаций в различные литературные эпохи («теория отталкиваний»).
5. Изучить социальный статус и назначение поэта в XVIII веке, а также изменение статуса поэта в последующие литературные эпохи.
6. Установить закономерную связь между социальным статусом писателя и проблемой репутации.

Практическая значимость работы. Теоретические выводы диссертации (теория «магистральных» и «второстепенных» литературных признаков; связь литературной репутации и социального статуса писателя и др.) может быть проверена и уточнена на материале конкретных писательских биографий. Выводы и материалы настоящего исследования могут быть использованы в

¹ См. список публикаций автора на с. 27.

лекционных курсах как по истории русской литературы, так и по теории литературы.

Апробация работы проходила на заседаниях кафедры истории русской литературы МГУ имени М. В. Ломоносова. Доклад о биографии и репутации Струйского был прочитан в марте 2008 г. на втором совместном семинаре Северо-Западного университета США (департамент славянских языков и литератур) и кафедры истории русской литературы МГУ¹. Проблеме теории репутаций был посвящен доклад на XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (секция «Филология»), конференция проходила в МГУ имени М. В. Ломоносова 13-18 апреля 2009 г. Религиозные взгляды Струйского обсуждались в докладе на XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (секция «Филология»), конференция проходила в МГУ с 12 по 15 апреля 2010 г.²

Структура и объем работы. Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения.

Во **Введении** определены основные проблемы, затрагиваемые в диссертации, и приводится краткая характеристика специфической репутации Струйского.

В **первой главе** показана история репутации Струйского: проведен критический анализ корпуса мемуаров, показана этимология ряда мифов о Струйском, укоренившихся в истории литературы.

Во **второй главе** представлен систематический (в тематическом и хронологическом порядке) свод сведений о Струйском, о его семье и его деятельности. Раздел **2.3** этой главы представляет собой «Летопись жизни

¹ См.: Ермошин Ф. А. О поездке в Северо-Западный университет // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009, № 1. С. 233; Попов В. Н. Русские семинары в Чикаго // Московский университет. Апрель 2008. № 14 (4245). С. 4.

² Тезисы обоих докладов на конференции «Ломоносов» опубликованы; см. список публикаций автора на с. 27.

Н. Е. Струйского»: опыт хронологической систематизации сведений о жизни Струйского предпринимается впервые.

Хронологический порядок позволяет наилучшим образом классифицировать и сопоставить данные, и в то же время дает представление о повседневном течении жизни Струйского. На хронологической шкале многие события его жизни были уточнены или получили новое звучание.

Третья глава отвечает на главный вопрос настоящей работы: почему социальная стратегия Струйского не нашла понимания у людей XVIII и XIX веков, в чем было главное расхождение Струйского с представлениями его современников об «истинном поэте».

Основное содержание работы

Глава 1. Литературная репутация Н. Е. Струйского. Обзор источников. В начале главы (**раздел 1.1**) анализируется литературная репутация Струйского в конце XVIII – начале XIX в. Особенное внимание уделяется критической статье кн. П. А. Вяземского, который в 1827 году, в рамках рецензии на драматическую поэму Д. Ю. Струйского (Трилунного) «Аннибал на развалинах Карфагена», печатает в «Московском телеграфе» обстоятельный обзор «Сочинений Николая Струйского» 1790 г. К 1820-м годам XIX века современной литературой Струйский был забыт – имя его «известно малому числу литературных антиквариев наших», пишет Вяземский¹. И в то же время Струйский в глазах критика – не «одинокый мечтатель» (И. Н. Розанов), но поэт, чья судьба характерна для истории русской словесности: безвестность его объясняется лишь тем, что любопытство «наших писателей <...> не изыскательно»¹.

Вяземский представляет Струйского как писателя сумароковской школы: «Сумароков имел в г-не Струйском горячего поклонника и усердного

¹ «Вяземский П.А.» Библиография // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1827. Ч. XVII. Отд. первое. III. С. 45.

заступника»² – “магистрального” направления своего времени. Но при этом, замечает критик, поэт не сделался сумароковским эпигоном, оригинальность его поэзии «не подложная»³ и выдаёт особенные черты «попечительного и признательного помещика»⁴. Эти стихи «крепостные русские»⁵, добавляет Вяземский – в этом смысле они принадлежат и русской «старине». А из всех времен в литературе Вяземский ценит прошлое едва ли не выше других: если старина достойна «внимательного почтения»⁶, то настоящее – едва ли: уже завтра оно будет разжаловано «в давнопрошедшее»⁷. Таким образом, поэт «старины» для Вяземского и есть подлинный поэт: «в старых книгах наших более истории, чем в новейших: в сих последних более Метафизики»⁸. Вяземский делает обширную выписку из стихотворения «На смерть верного моего Зяблова», посвященного крепостному художнику Струйских: «Все это любопытно в отношении к духу того времени»⁹. В эти годы Вяземского интересует быт русской старины, он даже думает написать свою «Россияду» – «домашнюю, обиходную, сборник, энциклопедический словарь всех возможных руссизмов, то есть относящихся к нравам»¹⁰.

Раздел 1.2 посвящен детальному разбору мемуаров И. М. Долгорукова – основного источника репутации Струйского. На достоверность долгоруковских мемуаров бросает тень не только тенденциозная логика «Записок», но и действия самого вице-губернатора. Судя по мемуарам князя,

¹ Там же. С. 46.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ Цит. по: Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 24.

Струйский произвел на него впечатление «парнасского буффона»¹, чьи стихи «во всем несносны»², «тирана»³, который не гнушается пыток и проч., однако за три с половиной года Долгоруков успевает несколько раз заехать в неблизкую Рузаевку и издать там ряд своих сочинений. Вспоминается и любопытная оговорка анонимного издателя «Указа»: «По своему литературному направлению Н. Е. «Струйский» был почитателем Сумарокова и бичевал приказных, которые (кажется, и в том числе поэт, князь Иван Михайлович Долгорукий, бывший пензенским вице-губернатором) вымарщивали с него взятки, пользуясь его поднадзорным положением и богатым состоянием»⁴. Между тем, сам князь Долгоруков был внук опального наперсника Петра II, князя Ивана Александровича – и тяжело переживал падение своего рода. «Деньги <...> во многом определяют отношения Долгорукова с людьми. Он никогда не забывает благодарно отметить тех, кто оказал ему услуги по части приобретения имущества или подарил ему и его семье значительные суммы, и равно не пропустит лиц, принесших ему убытки, недостаточно наградивших его и поскупившихся на подарки»¹.

Эти свидетельства, соединенные с наблюдениями ученого, многое проясняют в отношениях Долгорукова и Струйского. У Струйского было то, о чем мечтал князь, – богатое поместье, которое питало не только его музу, но и роскошную типографию. Весьма вероятно, что на правах вице-губернатора князь рассчитывал получить от хозяина Рузаевки нечто более весомое, чем мадригал в честь своей жены, но богатый помещик, к его досаде, дарил его лишь плодами своего вдохновения. Свою досаду князь, однако, разумно скрыл и задаром напечатал в лучшей русской типографии несколько своих

¹ Лонгинов М.Н. Несколько известий о Пензенском помещике Струйском // Русский архив. 1865. № 4. Стб. 484.

² Там же. Стб. 483.

³ Там же. Стб. 484.

⁴ Из эпохи пугачевщины. Сообщил Б. // Минувшие годы. 1908. № 12. С. 63.

сочинений. Уже по смерти Струйского мемуарист заретушировал деловой интерес к типографии заверениями о том, что хозяин Рузаевки «кроме собственных своих стихов, ничего не любил печатать чужого на станках своих»².

Раздел 1.3 посвящен развитию «долгоруковской» линии в истории репутации Струйского. Долгоруковский миф был подхвачен М. А. Дмитриевым. Мемуарист родился за полгода до смерти владельца Рузаевки и вряд ли хорошо его помнил. В своих «Мелочах» Дмитриев ссылается на записки кн. Долгорукова, но прибавляет несколько собственных подробностей к колоритному портрету поэта.³ Именно Дмитриеву принадлежит мемуар о том, что Струйский с высоты своего Парнаса вершил суд над своими крепостными. Долгоруковское предание было канонизировано в научной и популярной литературе советского времени.

В **разделе 1.4** описывается развитие альтернативной («антидолгоруковской») репутации Струйского. Исследователи этого направления (преимущественно начала XX в.) поставили под сомнение приговор предыдущих поколений и увидели в Струйском просто человека, преданного литературе и искусству. Приведя суждения Долгорукова («сочинения Струйского рассмешили бы мертвого. Потешнее после Телемахиды ничего нет на свете» и проч.), Н. А. Оболянинов замечает: «Такие отзывы о стихотворениях Струйского, по-моему, слишком уж суровы; конечно, многие его стихи немногим уступают пресловутой Телемахиде, но очень многие нисколько не хуже обыкновенно тогда писавшихся присяжными стихотворцами. Прочтите, например, такие “вирши”

¹ Коровин В.И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 318-319.

² Долгоруков И. М. Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни. М., 1874. С. 212.

³ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 85-88.

Струйского: они ничем не хуже многих стихов его учителя, Сумарокова»¹. Обольянинов показывает, что если не поддаваться интонации мемуариста, а следовать лишь его фактам, то из них, как из рассыпанной мозаики, можно собрать совсем иную картину.

Особые отношения с домом Струйских и долгоруковским мифом были у историка рубежа веков Евгения Александровича Боброва (1867 – 1933). Его стесняла односторонняя интонация долгоруковско-дмитриевского предания. Струйский для Боброва – «очень любопытный человек»², «человек просвещенный»³. «Жизнь его и деятельность составляет предмет особого труда, подготовляемого мною к печати»⁴, писал Бобров. Труд этот так и не увидел свет, но вышли несколько статей, которые позволяют высоко оценить его вклад. Бобров застал последнего хозяина Рузаевки – внука поэта Михаила Петровича Струйского. Ученый посылал ему тетрадки с вопросами и пустыми полями для ответов – и, кажется, выяснил у М. П. Струйского всё, что тот мог припомнить о своей семье и своем деде. Эти любопытные памятники “полевых исследований” филолога хранятся в Отделе рукописей ИРЛИ.⁵

В конце 1980-х гг. А. Г. Морозов⁶ и Н. Л. Васильев⁷ предприняли новую попытку реабилитации Струйского.

¹ Обольянинов Н.А. Поэт и типограф-любитель, Николай Еремеевич Струйский // Голос минувшего. 1913. № 5. С. 272.

² Бобров Е.А. Из истории жизни и поэзии А.И. Полежаева // Варшавские университетские известия. 1904. № 2. С. 11 (отд. паг.).

³ Бобров Е.А. Помещик и его крестьяне в 1774 году // ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 677. Архив Е. А. Боброва. Оп. 1. Д. 387. Л. 1.

⁴ Бобров Е.А. Из истории жизни и поэзии А.И. Полежаева. С. 11.

⁵ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 677. Архив Е. А. Боброва. Оп. 1. Д. 380.

⁶ Морозов А.Г. Из тьмы былого // Встречи с историей: очерки, статьи, публикации. Вып. 3. М., 1990. С. 137-147; Струйский Н.Е. Еротоиды. Анакреонтические оды / Сост., текст, под-ка и предисл. А.Г. Морозова. – М., 1990; Морозов А.Г. «Николай Струйский, поэт российский» // Поэзия: Альманах. Вып. 58. М., 1991. С. 61-67; Струйский Н.Е. Еротоиды. Анакреонтические оды. / Подг. текста, сост., вступ. ст., послесловие и комм. А.Г. Морозова. М., 2003.

⁷ Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003.

Обзор источников приводит нас к выводу: у одного писателя есть две взаимоисключающие репутации, каждая из которых зародилась еще при его жизни и до сих пор влияет на восприятие Струйского.

Для последователей долгоруковской «партии» Струйский не что иное как «помещик-самодур»¹ и «полусумасшедший поэт-графоман»², «мучитель и истязатель своих крепостных»³ и «исступленный графоман-строчкогон»⁴. Другие исследователи видят в Струйском человека не только деятельного и просвещенного, но и всецело преданного литературе, то есть поэта *par excellence*.

Такая двойственность репутации – нехарактерное явление в истории литературы: если при жизни писателя мнения о нем среди читающей публики еще разнятся (особенно если эта публика разделена на враждующие литературные группировки), то в дальнейшем литературная история отводит ему то место, из которого ему уже трудно бывает выбраться. Альтернативный взгляд на репутацию того или иного писателя обычно считают маргинальным.

Две эти линии в ходе движения русской литературы от XVIII века к нынешним дням последовательно сменяют друг друга: если для современников (мнения А. А. Тучкова⁵, кн. И. М. Долгорукова) поэтический жар Струйского был не всегда понятен, то литераторы пушкинской поры (кн. П. А. Вяземский) уже куда снисходительнее к этому поэту и «признательному помещику»; в середине XIX века выходят мемуары Долгорукова и Дмитриева: их суждение о Струйском становится общим местом; в обстановке Серебряного века взгляд на Струйского меняется (Н. А.

¹ Зарин А. «Е.» Струйский // Русский биографический словарь. «Т. XIX:» Смеловский – Суворина. СПб., 1909. С. 564.

² Эпитет Н. П. Смирнова-Сокольского. Цит. по: Васильев Н.Л. Указ. соч. С. 150.

³ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 366.

⁴ Пикуль В.С. Шедевры села Рузаевки // Пикуль В.С. Из старой шкатулки: Миниатюры. Л., 1976. С. 78.

⁵ Огарева-Тучкова Н.А. Воспоминания: 1848 – 1870. М., 1903.

Оболянинов, Е. А. Бобров и др.); в советское время вновь торжествует «долгоруковский миф»; в последние десятилетия имя Струйского вновь реабилитируется.

Обзор источников ставит перед исследователем два основных вопроса:

- (1) Какая из двух репутаций Струйского более соответствует его биографии?
- (2) Чем объясняется эта цикличность в смене альтернативных репутаций Струйского?

В последующих главах автор старается найти ответ на эти вопросы.

Глава 2. Материалы к биографии Н. Е. Струйского.

Раздел 1.1 представляет собой общий обзор жизни и деятельности Струйского по опубликованным и архивным источникам. Особые разделы посвящены второй жене Струйского – Александре Петровне, которая оставила собственный след в истории русской культуры, а также строительству рузаевского дома и устройству типографии. Попутно разъясняются некоторые особенности Струйского-помещика и литератора, которые трактовались соседями и коллегами по литературному цеху как странности и едва ли не преступления.

«Бард Екатерины» отнюдь не был рабом императрицы. Ко двору он приближался, насколько того требовали дела, а к Екатерине II, при которой, по выражению И. М. Долгорукова, «свобода мыслей и удовольствие сердца были, так сказать, в воздухе»¹, был искренне привязан как свободный человек. И при этом «Струйский не был чужд общих настроений дворянской интеллигенции»².

¹ «Долгоруков И.М.» Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И.М. Долгорукова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1870. Генварь – Март. Книга I. М., 1870. С. 59.

² Сахарова И.М. Н.Е. Струйский и его связи с Ф.С. Рокотовым // Очерки по русскому и советскому искусству. Л., 1962. С. 13.

Хозяйственные и литературные заботы Струйского соединились в учреждении типографии.

В царствование Екатерины II в России были открыты три сельские типографии: одна была заведена бригадиром Рахманиновым, вторая – известным просветителем Н. И. Новиковым, а третья типография была основана в Рузаевке.¹ При этом «на территории Пензенской губернии и даже всей Средневолжской области типография Струйского была древнейшая в Поволжье крепостная типография»². «Типография Струйского работала удачнее, чем сельские типографии Новикова и Рахманинова, подпавшие под неблагоприятные условия для своего развития»³. Кроме того, она отличалась от предыдущих в двух отношениях: некоммерческим характером и особым качеством изданий.

Струйский, по словам М. А. Дмитриева, «не пускал в продажу своих сочинений, а дарил их только своим сыновьям и знакомым; и потому его сочинений не встречается даже и в старинных каталогах»⁴. И всё же, согласно подсчетам Н. Л. Васильева, «в “Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века” (с учетом дополнений) указывается 43 издания поэта»⁵.

Типография была «роскошно обставлена»⁶. «Сочинения Струйского <...> в художественно-типографском отношении это шедевры, с которыми могут сравниться немногие русские издания: и внешность их безукоризненна: – прекрасный шрифт, дорогая александрийская бумага (а многие экземпляры,

¹ Бартенев П.И. Заметка о сельских типографиях в России // Библиографические записки. 1858. № 9. Стб. 280-282.

² Баранов В.В. А.И. Полежаев. Биографический очерк. // Полежаев А.И. Стихотворения. / Ред., биограф. очерк и примеч. В.В. Баранова. М.-Л., 1933. С. 40.

³ Шангин В.В. Сельские типографии в последней четверти XVIII века и рузаевские издания Струйского. СПб., 1903. С. 7.

⁴ Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 86.

⁵ Васильев Н.Л. Указ. соч. С. 120.

⁶ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А. И. Полежаева // Русская старина. 1903. № 8. С. 268.

особенно подносные, печатались даже прямо на атласе <...>), гравированные на меди рамки, виньеты, концовки, заставки...»¹.

Рузаевские издания ценили при дворе и знали за границей. С типографской затеей случилась неожиданная метаморфоза: адресованная интимному дружескому кругу, издательская деятельность Струйского – в том числе благодаря своей «интимности» – доставила ему известность.

В том же разделе доказывается несостоятельность мифов о затворничестве и душевной болезни Струйского.

Раздел 2.2 посвящен вопросу о религиозных взглядах Струйского. Ряд интересных наблюдений можно сделать при внимательном анализе поэтической переписки Струйского с митрополитом Платоном Левшиным. Мы показываем, что Струйский был хорошо знаком с деятельностью митрополита; более того, его литературная деятельность была во многом созвучна реформаторскому настрою митрополита и его приверженности «синергической свободе».

По мнению Г. Флоровского, вольтерьянство людей екатерининской эпохи было следствием секуляризации русской духовной жизни и стало «подлинной болезнью, нравственной и душевной»². Для истории русской культуры русские вольтерьянцы представляли скорее “старину”, чем “новизну”.

О способе противостояния Платона отечественному секуляризму в его масонской форме церковный историк П. В. Калитин пишет так: «Платон не уставал подчёркивать рабскую и, как следствие, секулярную суть своих горделивых оппонентов, противопоставляя им синергическую свободу и таинственную для любых культурных форм благодать и самого Бога. <...> Платон ввел в метафизику сильный элемент “художественного” мышления,

¹ Оболянинов Н. <А.> Указ. соч. С. 272-273.

² Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983 – <http://www.krotov.info/library/f/florov/page05.htm#7>

оперируя синтетическими формами “образов-понятий”, или “логосов”, тем самым как бы предвосхищая приверженность многих русских мыслителей к несистематизированному философствованию, особенно в рамках литературы как искусства слова, или “логоса”. Во второй период своей духовной биографии Платон прежде всего разрабатывал нравственный идеал “аристократа синергического духа” с его “свободо-художественным” исканием персонифицированной истины. Отсюда проистекала веротерпимость Платона, “осторожно” принимающего любое творческое дерзновение на пути к Богу»¹.

И образное мышление митрополита, и идеал «аристократа синергического духа» были понятны поэту Струйскому и созвучны его социальной стратегии. В этом смысле Струйского можно назвать учеником митрополита Платона.

«Во вторую половину века, – говорит историк русской церкви, – начинается духовное пробуждение».¹ Переписка Струйского и митрополита Платона открывает нам одну из важных страниц этого пробуждения.

Раздел 2.3 – «Летопись жизни Н. Е. Струйского» – представляет собой самую обширную часть исследования. При составлении ее преследовались две цели. Прежде всего, было необходимо собрать воедино и оценить известный нам фактический материал; опыт хронологической систематизации сведений о жизни Струйского (летопись) предпринимается впервые. Кроме того, мы попытались показать, что биография Струйского не является тем «пустым местом» в истории русской литературы, которое можно заменить произвольной интерпретацией.

Раздел открывается главой, посвященной роду и предкам Струйского. В диссертации воспроизводится доселе неопубликованное сочинение 26-

¹ Калитин П.В. Платон (в миру Петр Егорович Левшин) // Словарь русской цивилизации – <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=837>

летнего поэта «Род Струйских»: копия его обнаружена автором в Пушкинском Доме².

Следующая глава этого раздела представляет собой собственно летопись жизни Струйского. Уточнена датировка многих событий; кроме того, расположение известных фактов на хронологической шкале позволило сделать новые наблюдения: например, интенсивность книгопечатания и иной деятельности в последние годы опровергает распространенное мнение о том, что Струйский постепенно сошел с ума и забросил все свои начинания.

В этом же разделе впервые воспроизведен также неопубликованный, но чрезвычайно важный для понимания судьбы Струйского документ. Это «Уведомление» рузаевского «служителя» Андрея Зяблова с подробным описанием «визита» пугачевцев в Рузаевку.³

«Уведомление» Андрея Зяблова принадлежит к числу редких исторических свидетельств. С одной стороны, оно напоминает донесения тайного агента (по всей видимости, автор его исполнял у Струйского сходную роль) – кажется, замечено каждое действие, записано всякое слово, названы все герои – и, вместе с тем, оно составлено человеком, который сам ежеминутно подвергался смертельной опасности. В этой записке пугачевский бунт показан сразу в трех измерениях – в масштабе российской губернии, в границах одного поместья, в драме частного незнатного человека. Такие свидетельства создают ощущение живого движения истории – то ощущение, которое доступно только самим участникам событий.

На «уведомление» о разорении Рузаевки, полученное 16 августа 1774 г., Струйский ответил «Указом, села Рузаевки и деревень Пайгармы и Шебдаса, всем крестьянам».⁴ Мы приводим его по копии из архива Е. А. Боброва в Пушкинском Доме.

¹ Флоровский Г.В. Указ. соч.

² ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 677. Архив Е. А. Боброва. Оп. 1. Д. 370. Л. 1–3 об.

³ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 677. Архив Е. А. Боброва. Оп. 1. Д. 384. Л. 1–3 об.

⁴ Там же. Л. 4–7 об.

«Указ» был опубликован только однажды – сто лет назад – Е. А. Бобровым в журнале «Минувшие годы».¹ Публикатор скрыл себя под криптонимом: «Сообщил Б.». Как показывает сверка текста, публикатор пользовался той же копией «Указа», что и позволяет распознать в “авторе сообщения” Е. А. Боброва. В настоящем исследовании криптоним раскрыт впервые.

Между тем, публикация 1908 г. грешит рядом существенных ошибок: так, Рузаевка названа «Кузневкой» (!), а в тексте «Указа» – «Ручаевкой», и проч.; сам текст «Указа» подвергся орфографической правке: редакторы старались примирить его с гротовской грамматикой и упростить для читателей. В диссертации «Указ» воспроизводится в аутентичном виде.

Донесение Зяблова и письмо «священнику Иакову Федотовичу» с указом Струйского представляют собой единый документ; оба послания хранятся в Пушкинском Доме в одном деле: писарские копии обоих документов сделаны одной рукой и сшиты вместе. Таким образом, в настоящем исследовании указ впервые воспроизводится в полном виде.

В начале «Указа» хозяин Рузаевки напоминает своим крестьянам, что их действия несовместны со званием христианина: «...на чтож вы ходите в церковь Божию, когда готовы резать?»². Струйский прибегает к ярким метафорам, воздействующим на чувства слушателей: «вить точно так, как огнем сработали; а вот же вы и знаете, что убийцы все будут в аду, а ад – огонь, следственно вы сделали из себя ад и жителями ада, а называетесь Христиане»³. Попутно помещик исчисляет действия и даже помыслы своих крестьян – всё тайное уже стало для него явным. Далее Струйский в надежде на их раскаяние дарует своим людям избавление «от виселицы и смертной казни»⁴.

¹ Из эпохи пугачевщины. Сообщил Б. // Минувшие годы. 1908. № 12. С. 63-68.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6.

В начале третьей части «Указа» Струйский снимает со своих крестьян обвинение в убийстве – «судитесь вы яко не смертоубийцы, но однакож как нарядные разбойники»¹ – и переходит к разбору их «разбоя». Рузаевский помещик убеждает людей в бессмысленности их бунта: «не столько вы себя могли насытить, но меня разорили»². Более того, бунт более разорил самих крестьян: «...сено во время бунта погноили и ничем не запаслись; что делать; надлежит умирать с голоду или таскаться по миру»³. И уповать в этот тяжкий час крестьяне могут только на своего хозяина: «...кто ж вам всем подаст Милостину, кроме меня»⁴.

В четвертой части Струйский показывает крестьянам, что они бунтовали не только против своего помещика, но и против заветов своих отцов: «Приведите ваших дедов и прадедов себе на память, <...> были ль они бунтовщиками против Государя своего, смертоубийцы и грабители против господ своих, <...> или деды ваши были дураки и глупее вас, а вы хотели показать себя разумными».⁵ Но показали себя крестьяне «дураками»: «вольность» была только приманкой, которой беглый казак Пугачев рассчитывал привлечь неразборчивых крестьян, «будучи уверен, что вы <...> все скоты, и хуже всякого животного, и не имеете понятия ни о чем»⁶. И расчет оказался верен – Пугачеву поверили! Пока крестьяне ослеплялись вольностью, Пугачев «себя обогащал»⁷, а крестьянская вольность обернулась «плахой, топором и виселицей»⁸.

В последних строках автор «Указа» выражает веру в раскаяние рузаевских крестьян. Раскаявшиеся будут прощены – «довольствуйтесь сею

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 7.

от Бога милостию, что он против вас меня не ожесточил»¹, тем же, кто останется «в таковом скверном и Богомерзком предприятии»² прощения быть не может: «будете вы без всякого разбора истреблены с женами и детьми огнем и мечем»³.

Не могу согласиться с первыми публикаторами «Указа», которые считали, что в этом произведении Струйский «остался сыном своего века»⁴: совсем не “крепостником” показал себя помещик. Угрозы прозвучали только под занавес «Указа» – но не за преступления совершенные, а за возможные в будущем. Сам указ представляет собой ряд доводов, которые должны переменить мнение крестьян о Пугачеве. Как это ни парадоксально, к своим крепостным хозяин Рузаевки обращается в «Указе» как к равным: не слепое подчинение ему нужно, но свободное согласие. Интересен литературный облик «Указа»: понятным и образным языком автор дает весьма тонкий анализ пугачевского бунта.

При составлении письма и «Указа» Струйский еще не знает о гибели от рук пугачевцев последних дядьев – Филата Яковлевича и Михаила Яковлевича.

При наступлении мирных времен Струйский приступает к строительству роскошного рузаевского замка: его залы украшали работы Ф. С. Рокотова, которому Струйский покровительствовал; в верхней комнате поэт устроил Парнас, где предавался поэзии.

Среди других важных событий жизни Струйского – крестьянский бунт 1786 года. В марте 1791 г. Струйский в письме к кн. Г. А. Потемкину

¹ Там же. Л. 7.

² Там же. Л. 7 об.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Из эпохи пугачевщины. С. 64.

благодарит за аудиенцию у императрицы, на которой получил перстень из ее рук.¹

В декабре 1796 г. Струйский умер: мы подробно разбираем различные версии его смерти.

Отдельный **раздел 2.3.3** посвящен судьбе типографии и рузаевского поместья по смерти Н. Е. Струйского. Здесь уже на первый план выходит вдова поэта – Александра Петровна, которая управляла рузаевским хозяйством крепкой и умной рукою, и почти на полвека пережила своего супруга.

При жизни А. П. Струйской Рузаевка только прирастала новыми хозяйственными постройками и церквями; оставалась нетронутой и типография. Но после смерти Александры Петровны в 1840 г. рузаевское хозяйство постепенно приходит в упадок: «шрифт и все принадлежности»² рузаевской типографии проданы Симбирскому губернскому правлению, а в 1886 г. «усадьба Рузаевка продана <...> наследниками П. Н. Струйского за восемь тысяч соседнему Пайгарминскому монастырю. Дом сломан и свезен на сооружение стен монастыря»³. В 1927 г. – уже при новой власти – был разрушен фамильный склеп с могилами Струйского, его жены Александры Петровны и дочери Маргариты Николаевны.

Глава 3. Теория репутаций и репутация русских писателей XVIII в.

Раздел 3.1 представляет собой отдельную работу по теории литературы «К теории репутаций: отталкивание поколений». Отправной точкой для

¹ Письмо Н. Струйского к князю Потемкину-Таврическому / Публ. Н. Н. Мурзакевича. // Русский архив. 1871. <№ 2>. Стб. 73-75.

² Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских... С. 268.

³ Баранов В.В. Указ. соч. С. 38.

размышлений автора служит «теория отражений» И. Н. Розанова¹. В основе «теории отталкиваний» лежит понятие «ритма» поэтических эпох. Движение от одной эпохи к другой «слагается из: 1) притяжения, 2) отталкивания и 3) инерции»². Дети отталкивались от отцов и тем самым становились «в каком-то отношении ближе к дедам, чем к отцам»³.

В истории литературы Розанов различает тех, кто идет «по магистрали» и становится лидером в литературной борьбе, и тех, кто бредет «по проселочным дорогам» и обычно обречен забвению.⁴ Таким образом, историю русской литературы по Розанову можно представить в виде синусоиды: с течением времени (горизонтальная ось) меняются и ее «магистральные признаки» (вертикальная ось). «Магистральные» поэты расположатся на вершинах синусоиды, а «бредущие по проселкам» теснятся у ее нулевых значений.

По мнению Розанова, «магистральная» позиция «прежних вождей» незыблема; напротив, вновь выявленным талантам (даже таким, как Тютчев) не суждено занять место на «господствующих высотах». Таким образом, только «магистральные» имена и составляют собственно историю литературы.

Эта теория вызывает ряд возражений:

1. На деле магистральные имена нередко скатываются в безвестность, когда терпят поражение на литературных ристалищах: такова была участь «архаистов» в начале XIX века.⁵ Примеры возрождения литературного

¹ И. Н. Розанов опирался «на суждения представителей формальной школы» (Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С. 137).

² Розанов И.Н. Литературные репутации // Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990. С. 20.

³ Там же. С. 22-23.

⁴ Там же. С. 19-20.

⁵ «По выходе “Рассвета полночи” Бобров выдвинулся в число первых поэтов своего времени и сразу же оказался втянут в споры о языке, являвшиеся главным пунктом литературной борьбы 1800–1810-х годов» (Коровин В.Л. Поэзия С. С. Боброва и русская литература в конце XVIII – начале XIX в. // Бобров С.С. Рассвет полночи: Херсонида. Т. II. М., 2008. С. 467). Стараниями оппонентов Бобров превратился в сатирическую маску

явления – находка «Слова о полку Игореве» или современное открытие Серебряного века и поэзии русского зарубежья.

2. Чтобы согласиться с розановской схемой, надо принять допущение, что «литературная борьба» есть единственный механизм, который приводит к литературным сдвигам. В самом деле, без «отталкивания» и «борьбы» литературный процесс представить невозможно. Розанов справедливо негодует, что при дискредитации «прежних вождей <...> от сознания несовременности их совершенно незаконно делают скачок к отрицанию или умалению их дарований»¹. Но если литературный жест совершился в стороне от текущих литературных споров – значит, он уже не вполне литературен?

3. Литературная борьба – по крайней мере, в России – есть понятие общественно-политическое, т. е. не вполне литературное. Итоги этой борьбы определялись часто случайностями общественного развития, а не стечением творческих волей участников литературной игры.²

Двойственность розановской теории в том, что одних поэтов он настойчиво канонизирует (их имена – не имена частных людей, но – «эпох») и при этом негодует, что «у нас обычно любят канонизировать имена, а не произведения»³. С одной стороны, он радуется заслуженной, но посмертной канонизации («канонизация Сухово-Кобылина уже началась»⁴), а с другой, фактически ставит такую запоздалую канонизацию под сомнение: «некрасовская эпоха была, а тютчевской не было»⁵ – следовательно и не будет, разумеется.

Бибриса: такая литературная репутация «утвердилась в “арзамасском братстве” и впоследствии послужила главной причиной забвения его поэзии» (Там же: 471-472).

¹ Розанов И.Н. Литературные репутации. С. 18.

² «Вот зала женской гимназии во время перемены. То и дело стены ее оглашаются некрасовской “Песнью Еремушки”, заключающей в доступной форме указание на противоположность новой мудрости – мудрости старой» (Розанов И.Н. Канонизация классиков. // Розанов И.Н. Указ. сб. С. 93).

³ Розанов И.Н. Канонизация классиков. С. 103.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Розанов И.Н. Литературные репутации. С. 22.

Мы предлагаем уточнить выводы Розанова: история литературных имен случайна, история литературных признаков – закономерна. Следовательно, оппозиция «магистрали» и «проселков» относится не к авторам, но к литературным признакам, которые акцентируются в ту или иную эпоху.

Это удобно проиллюстрировать на примере Н. Е. Струйского. Уже в XIX столетии имя его было не только не «магистральным», но даже весьма незаметным. Его литературная репутация основана на случае: так уж вышло, что единственные мемуары о Струйском оставил человек, который был весьма к нему пристрастен, но при этом владел искусным пером и даром убеждения. Разумеется, это была случайность – но то, что на протяжении многих десятилетий историки охотно верили этим мемуарам и сами участвовали в дискредитации их героя – наводит на мысль, что в его репутации был ряд «магистральных» признаков, от которых «отталкивались» последующие поколения.

Совсем не «магистральные» писатели могут обладать «магистральными» признаками. Это означает, что «магистральных» писателей, то есть классиков, не существует, иначе этим классикам следовало бы приписать некие «сверхмагистральные» признаки, свойственные только им.

Теория «магистральных» и «второстепенных» литературных признаков и их отношений может оказаться чрезвычайно плодотворной для выявления и сопоставления различных литературных эпох. До сих пор количественные методы применялись преимущественно в стиховедении – теперь этот прием следует распространить и на другие разделы истории литературы. Например, признак с приблизительной формулировкой «судьба определялась взаимоотношениями с властью» в писательских биографиях XVIII столетия присутствует часто, реже в XIX веке, в отношении людей Серебряного века сократится до ничтожной величины, но уже в 1930-е годы вырастет до абсолютного значения и т. д. Подсчеты по писательским биографиям могут уточнить эту гипотезу.

Объединение отдельных литературных признаков в родственные группы («социальный статус», «жанровые предпочтения» и т. д.) позволяет, с одной стороны, дать всесторонний и при этом весьма точный портрет каждой литературной эпохи, а, с другой стороны, выявить новые закономерности в соотношении признаков разного порядка (напр., поэтики и литературного быта).

Раздел 3.2 посвящен анализу социального статуса и назначения поэта в XVIII веке. Петровские реформы переменили всю систему культуры. «Государственно-религиозная модель не исчезла, – пишет Лотман, – верх и низ её поменялись местами. Практическая деятельность из области “низкого” была поднята на самый верх ценностной иерархии», а религиозная символика власти предшествующего периода «демонстративно затапывалась в грязь и выставлялась на публичное осмеяние»¹. На место религиозной символики приходит семиотика договора. В то же время религиозное отношение к власти ничуть не ослабевает; напротив, если в древней Руси власть земная почиталась как прообраз Царствия Божия, то для Петра его империя и есть воплощение Царствия Божьего на земле, говорит Лотман.

Сама условность договорных отношений приобретала религиозный смысл и таким образом нивелировалась. Петровская «Табель о рангах», предопределявшая всю жизнь служилого человека, задумывалась как одна из основ регулярного государства. Однако чин в России, по выражению Лотмана, надолго приобретает «особый, почти мистический характер»² – этот мистический характер чина отрицает его изначальный условный смысл.

В момент петровской реформы зарождающаяся светская литература вновь утрачивает свой условный характер, делаясь, по В. М. Живову,

¹ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века. // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996. С. 39.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 33.

«средством перевоспитания дворянского общества... Поскольку литература поставлена на службу политике, в специальных агентах она не нуждается. Изготовление литературных текстов становится одним из служебных поручений «... для такой службы достаточно грамотности»¹.

«Человек в России, если он не принадлежал к податному сословию, не мог не служить»², но «Табель о рангах» профессии сочинителя не знала. Для русского государства – следовательно, и общества первой половины XVIII века – литератор был, по словам Пушкина, «ничто иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше»³. Такая социальная роль вполне удалась одному Ломоносову – впрочем, поэзия не была главным его занятием. Сумароков и Тредиаковский, каждый по-своему преданные поэзии, приобрели, по словам В. Ф. Ходасевича, репутацию «всеобщего посмешища русской литературы»⁴.

При Екатерине поэтов уже не бивали, это время литературных дилетантов, когда составляются первые литературные кружки, но в русском обществе преобладает мнение, что если дворянам и стоит заниматься литературой, то «легко и непринужденно, а более довольствоваться услугами платных стихотворцев»⁵.

В **разделе 3.3** показан общий вектор, в котором изменяется социальный статус писателя от XVIII к началу XX века. Статус поэта в русском XVIII веке – это статус человека подчиненного. Для человека этого времени занятия

¹ Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 562.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 28.

³ Пушкин А.С. «Путешествие из Москвы в Петербург» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XI: Критика и публицистика: 1819 – 1834. М., 1949. С. 249.

⁴ Ходасевич В.Ф. Кровавая пища // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 463.

⁵ Степанов В.П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 119.

литературой являются либо делом служебным, либо досугом, которому он волен предаваться в свободные часы.

Отдельным родом службы, «выгодным ремеслом»¹ или «отраслью промышленности»² литературу делает уже «поколение 1812 года». Литература становится важным (а порою и единственным) источником дохода, а литературная карьера идет параллельно с государственной службой и часто замещает ее. Декабристы успешно продолжали литературную карьеру в сибирской ссылке.

Однако писатели этого времени ясно видят границу между литературной деятельностью и своим сословным положением. Для Пушкина и его современников литература была именно родом службы, но его повседневная жизнь была подчеркнуто нелитературна: в придворный салон он входит не как сочинитель, а как дворянин и светский человек. Более того, дворянская честь является для Пушкина залогом его литературной свободы.³

Этой двойственности уже нет в писателях Серебряного века. Сословия для них ничего не значат, как не значит всё то, что не есть литература. В «Бродячей собаке» могут упомянуть о происхождении собеседника разве для оживления разговора. Писатели Серебряного века сочиняют свои стихи и свою жизнь как единый текст – жизнь общественная делается для них частью жизни литературной. Социальное творчество писателей Серебряного века едва ли не более оригинально, чем их творчество поэтическое. Поэты «Бродячей собаки» стали новой аристократией, пришедшей на смену

¹ Пушкин А.С. «Путешествие из Москвы в Петербург». С. 255.

² Пушкин А.С. Об издании газеты // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. VII. М., 1962. С. 365.

³ «У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частию дворяне („En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature“). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями» (Пушкин А.С. «Путешествие из Москвы в Петербург». С. 255).

аристократии сословной. Эта аристократия не подчинялась общественным законам и общественным вкусам, но навязывала ему свои.

В этом смысле Серебряный век в очередной раз переворачивает ценностную модель русской истории. Задолго до прихода большевиков, уже к началу XX века, обожествленного Петром государства как самостоятельного творческого начала, как ценностного ориентира более не существует. Власть десемiotизируется и составляет часть быта. В то же время литература, низведенная Петром до “служебных поручений”, делается самостоятельной общественной силой. Литератор стремится к символизации повседневного поведения, а собственное творчество воспринимает как “отклик искаженный торжествующих созвучий” вечности.

В разделе 3.4 рассматривается вопрос о связи социального статуса писателя и проблемы репутации.

Если биография конкретного писателя соответствовала статусу литератора своей эпохи и своего круга – значит, он мог рассчитывать на признание; несоответствие этому статусу делало его фигуру маргинальной и грозило забвением. Это временное забвение постигло и Н. Е. Струйского. Подобно поэтам пушкинского круга, он считал литературу главным делом своей жизни. Более того, его повседневная жизнь проникнута литературной символикой: он строит дворец, чтобы завести у себя Парнас и устраивает типографию, чтобы печатать свои стихи; он отвечает бунтующим крестьянам литературным воззванием и приходит к императрице, чтобы вручить ей свои книги. Его литературная судьба более всего напоминает нам образ поэта-жреца Серебряного века, а его “архаичная” религиозность была бы вполне уместна в эпоху русского духовного возрождения XIX в.

Раздел 3.5 содержит основные выводы третьей главы.

Жизненная стратегия писателя Струйского была не только не «магистральной» для своей эпохи – она была вызывающе «антимастральной». Но такая демонстративная «несвоевременность» оказалась для поэта спасительной: Струйский не исчез «в туманах безвестности» (И. Н. Розанов), а литературный его облик и по прошествии двухсот лет сохраняет оригинальные и любопытные черты.

Литературная судьба Н. Е. Струйского говорит нам о том, как случайно и произвольно развитие литературной репутации. Однако эта случайность и произвольность ограничена двумя константами.

Первая («объективная») константа – сочинения самого автора и документальные свидетельства о его жизни. До недавнего времени эта константа в литературной судьбе Струйского роли почти не играла: стихи его – за единичными исключениями – не переиздавались, а прижизненные издания составляли «большую библиографическую редкость»¹. Следовательно, писавшие о нем в XIX и XX вв. знали о его поэзии только понаслышке. Исследований о жизни и деятельности Струйского до сих пор немного.

Вторая («субъективная») константа – это «магистральные» для данной эпохи явления литературной жизни, и в том числе социальный статус поэта. Эта константа до недавнего времени и создавала репутацию Струйского. Случайность, что самые подробные мемуары о Струйском оставил человек, так болезненно переживавший его богатство; случайность, что М. Н. Лонгинов опубликовал их в 1860-е годы; случайность, что Дмитриев их заметил и творчески развил и т. д. Но едва ли случайно, что рассуждения князя Вяземского про «крепостные русские» стихи Струйского публика середины XIX в. не поняла и забыла, в то время как долгоруковские анекдоты об «оригинале» и «парнасском буффоне» приняла за «сведения конечно

¹ Лонгинов М.Н. Несколько известий о Пензенском помещике Струйском // Русский архив. 1865. № 4. Стб. 481.

любопытные для любителей старины и истории нашей литературы»¹ и выучила наизусть; когда же М. А. Дмитриев приправил их театральными эффектами, они вошли в предание и надолго заменили подлинную историю.

Признать в поэте XVIII века не униженного слугу или же чиновника, бряцающего на струнах в часы досуга, но самовластного рузаевского князя, для которого литература была высшим законом, тогдашняя публика была не готова. Кроме того, сами долгоруковские мемуары могли быть прочитаны по-разному – их и стали читать иначе на рубеже XIX-XX веков. Увидели в Струйском прежде всего человека, влюбленного в поэзию, и все его «странности» легко разъяснились. И это неудивительно – современники М. Волошина и Вяч. Иванова легко узнавали в Струйском знакомые черты.

В Заключении подведены итоги исследования:

1. Существуют две взаимоисключающие репутации Н. Е. Струйского, которые можно условно назвать «долгоруковской» и «антидолгоруковской». Согласно «долгоруковскому» взгляду на репутацию Струйского, он не был настоящим писателем: литература была чем-то вроде его домашнего сумасбродства. По мнению сторонников «антидолгоруковской» линии, Струйский был олицетворением поэта в полном смысле этого слова: вся его деятельность была подчинена служению литературе.

2. Каждая из этих репутаций выходит на первый план в различные литературные эпохи, попеременно сменяя друг друга. Этот равномерный ритм неслучаен.

3. Судя по тому, что нам известно о жизни и деятельности Струйского, «долгоруковский миф» имеет меньше сходства с биографией поэта, нежели взгляд альтернативный. Во-первых, Долгоруков пристрастен (хотя пристрастность эта тщательно завуалирована): все достижения Струйского (поэзия, Рузаевка, типография, красавица-жена) – лишь повод для насмешки и

¹ Там же. Стб. 487.

осуждения. Во-вторых, многие утверждения Долгорукова и его последователей либо не находят подтверждения, либо прямо противоречат известным фактам. У сторонников «антидолгоруковской» линии меньше поводов к пристрастным оценкам: Н. А. Оболянинов, Е. А. Бобров и Н. Л. Васильев не были знакомцами Струйского, в их наблюдениях нет личного интереса. В трудах этих ученых больше скрупулезной исследовательской работы.

4. Деятельность Струйского-помещика и типографа была нехарактерна для писателя XVIII века – точно так же, как деятельность Струйского-литератора и типографа была нехарактерна для екатерининского помещика. В то же время мировоззрение Струйского было нехарактерно для «просвещенного человека» своего времени.

5. Согласно предложенной нами теории репутаций, история литературы состоит не из «классиков» и «маргиналов» (в последние был всегда записан Струйский), но из «магистральных» и «второстепенных» (в каждую литературную эпоху) литературных признаков. Соотношение этих признаков в биографии писателя и определяет его репутацию.

6. Социальный статус писателя XVIII века – это статус человека подчиненного, в то время как жизнь и деятельность Струйского более соответствовала статусу писателей последующих эпох: пушкинской поры и Серебряного века. Это (наряду с малым тиражом его сочинений и нехваткой сведений о его жизни) во многом объясняет его негромкую славу при жизни, его скандальную репутацию в XIX в. и его реабилитацию в начале века XX-го.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Попов В. Н.* Литературная репутация поэта Н. Е. Струйского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2009, № 4. С. 193-200.
2. *Попов В. Н.* “Теория отталкиваний” И. Н. Розанова и вопрос о канонизации классиков // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. С. 473-475.
3. *Попов В. Н.* Н. Е. Струйский и митрополит Платон (Левшин) // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2010. С. 796-798.
4. *Попов В. Н.* Об орфографии в научных изданиях литературных памятников: По поводу собрания сочинений В. А. Комаровского // Philologica. 1999/2000. Т. 6, № 14/16. М., 2001. С. 405-408.
5. *Попов В. Н.* Подготовка текстов по рукописным источникам. / *Боратынский Е.А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1: Стихотворения 1818 – 1822 годов. М., 2002. С. 73-301.
6. *Попов В. Н.* Подготовка текстов по рукописным источникам. / *Боратынский Е.А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823 – 1834 годов. М., 2002. С. 9-406.